

Я следую за ней. Под нашими ногами шуршит опавшая листва. Её плечи узкие, но кажется, будто они несут на себе тяжесть уходящего заката. Золотистые лучи пробиваются сквозь деревья, окрашивая в багрянец пряди её волос, которые легко развеваются на ветру. Осень прошла, скоро наступит зима. Выпадет ли снег на это Рождество?

Лю Вэй скоро должен приехать. За день до итоговых экзаменов я помогаю Цзяхуэй переехать в новую квартиру с одной спальней. Дом расположен на невысоком холме рядом с кампусом. Вход выходит прямо на горную дорогу, которая здесь делает крутой девяностоградусный поворот и уходит в сторону. С балкона квартиры открывается вид на инженерный факультет. Куда ни глянь — всюду деревья и облака; виднеются углы учебных корпусов, кривобокая вершина новой колокольни, оживленное движение на шоссе вдоль реки Хьюрон. И, конечно, сама широкая река, петляющая где-то вдали.

Восемнадцатое декабря, до Рождества осталась всего неделя, и мы, наконец, закончили обустраиваться. Мы с Цзяхуэй стоим на балконе и смотрим на кампус. Листва давно опала, кругом расстилается сплошное пушистое коричневое полотно. Она говорит, что ей очень нравится эта квартира. Ей по душе эти деревья и облака. Она добавляет, что если ей когда-нибудь придется уехать, именно по ним она будет больше всего скучать в Ан-Арборе. Я отвечаю: вот и хорошо, живите здесь, пока не покинете город. Я сказал это небрежно, но она нахмурилась и глубоко задумалась.

Я продолжаю любоваться пейзажем. Стая диких гусей, выстроившись клином, торопливо пролетает высоко в небе. И правда, время уже позднее. Через несколько дней день зимнего солнцестояния. Почему эти теплолюбивые птицы только сейчас спешат на юг? Неужели они тоже привязались к здешним облакам и деревьям? Впрочем, в Ан-Арборе до сих пор не было снега. В этом году погода стоит слишком теплая. Люди поговаривают: если снег не выпадет, какое же это будет Рождество? Разве может праздник быть совершенным без белого покрова? В магазинах уже звучат рождественские песни. Семьи украшают окна и ветви деревьев перед домами разноцветными гирляндами. Некоторые особенно старательные хозяева выставляют во дворах светящиеся фигуры животных — совсем как на ярмарке фонарей в парке Бэйхай. Жаль только, что здесь, в Ан-Арборе, люди любят ими лишь мельком, из окон машин. На улицах по-прежнему пустынно. Без пешеходов праздник кажется куда холоднее.

— Но у этой квартиры есть и недостатки, — внезапно нарушает тишину Цзяхуэй. Оказывается, она всё это время размышляла над моими словами — о том, стоит ли оставаться здесь до их отъезда.

— Какие недостатки? — с интересом спрашиваю я. Откуда ей знать, что мои мысли в этот момент унеслись далеко-далеко, к той самой ярмарке в парке Бэйхай?

— Дорога перед домом слишком крутая. Поворот резкий. Зимой, когда выпадет снег и станет скользко, водить машину будет очень опасно.

Значит, она тоже думала о снеге. Глядя на её серьезное лицо, я не могу сдержать улыбку.

— Над чем ты смеешься? Разве я не права? Если ночью не заметить этот крутой поворот, можно вылететь с холма. Это же опасно! Можно погибнуть, — говорит она строго.

Дело не в том, что её мысли кажутся мне детскими или смешными. Просто её чересчур серьезный вид меня забавляет. Я поднимаю руку и указываю на знак у обочины:

— Разве тебе не видно? Там написано: ограничение скорости пятнадцать миль. А перед этим стоял другой знак, разве на нем не было четко указано, что впереди крутой поворот?

— Правда? Я... я не разбираюсь в этих знаках, вот ты и смеешься надо мной. — Её лицо снова слегка краснеет, кажется, она немного сердится.

Мне внезапно хочется взять её за руку или коснуться плеча. Я поспешно убираю руки за спину и крепко сжимаю их.

— Ничего страшного. Научу тебя водить, тогда всё будешь понимать.

— Ты правда научишь меня? — она, кажется, тут же забыла о досаде.

— Да, я... я научил Лю Вэя, пусть он потом научит тебя. — Я поправился. Кажется, именно это я и должен был сказать.

— О, да. Так будет лучше, — отвечает она.

Мы снова замолкаем. О чем она думает теперь? А ведь действительно, стану ли я учить Лю Вэя? На этой старой Тойоте? Буду ли я хорошим учителем? Хватит ли у меня терпения, как у А Вэня? Может быть. Но А Вэнь... Если бы он заранее знал, что я буду учить Лю Вэя, согласился бы он продать мне свою машину? Он ведь даже хотел подарить её мне. Но я отказался. Кажется, я слишком много ему отказывал, но почему тогда я чувствую, что до сих пор остаюсь в долгу перед ним, и этот долг только растёт?

Я, должно быть, слишком много на себя беру. А Вэнь сейчас за две тысячи миль отсюда. Он наверняка уже получил моё письмо. В конце концов, полторы тысячи долларов он с моего счета уже снял. Но ответа я не получил. Ни письма по электронной почте, ни звонка. Я давно отключил автоответчик. Должно быть, он меня ненавидит. А может, просто забыл. На душе становится невыразимо тяжело. Но почему мне должно быть не всё равно? Разве я не добился того, чего хотел? И всё же, трудно отрицать — я начинаю ненавидеть себя. Ненавижу этого одинокого человека, которому некуда пойти в рождественскую ночь. Я готовлю еду сам. А после — ем в одиночестве. Я всё еще часто варю куриные ножки или свиные ребрышки с картошкой, и теперь это выходит не так уж плохо. Цзяхуэй научила меня использовать лук, имбирь, сычуаньский перец, бадьян и кулинарное вино. Она даже научила меня готовить яичницу с рисом. Правда, когда я пытаюсь разбить яйцо, с какой бы стороны ни бил — с тупой или с острой — у меня всё равно получается сплошное месиво. Цзяхуэй как-то рассмеялась: у тебя, должно быть, психологический барьер перед яйцами. Впервые вижу взрослого человека,

который не умеет разбивать яйца.

Я смотрю на свои руки: желток и белок, похожие на слизь, стекают между пальцами. Мне внезапно хочется плакать, но я смеюсь вместе с ней. Я ведь взрослый, я умею улыбаться. Цзяхуэй начинает учить меня, держа мои руки в своих. Она стоит так близко, что я отчетливо чувствую запах её мыла. Я поспешно лгу, что мне нехорошо, и я не хочу продолжать готовить. Она обеспокоенно спрашивает, не нужно ли мне в больницу. Винит себя, что не умеет водить. Собирается звонить Лу Минь и её мужу. Я смеюсь: ничего страшного, мне уже лучше. Добавляю, что мы не будем готовить, а сходим куда-нибудь поесть. За мой счет. Она не очень хочет идти в ресторан, считая это пустой тратой денег, но, видя, как быстро я пришел в себя, не хочет портить мне настроение. Фастфуд она не любит, но ради экономии настаивает на нём. Нам больше всего нравится Макдоналдс на оживленной улице в центре города. Эта улица не всегда такая шумная, только во время еды студенты собираются здесь со всех уголков кампуса. Полно молодежи с книгами, кофе или газировкой в руках. Кто-то идет группками, оживленно болтая, кто-то — в одиночку, уткнувшись в землю и быстро перебирая ногами. Людей много, и оттого в воздухе больше белого пара. Он поднимается от стаканчиков с кофе, вырывается из ртов и носов, кружится над головами. Эти люди, этот пар — всё это немного напоминает зимний кампус Университета Цинхуа. Зимы в Цинхуа, насколько я помню, тоже были очень холодными.

Двадцать четвертое декабря, канун Рождества. Самолет Лю Вэй должен приземлиться в час дня. В полдень я приезжаю к Цзяхуэй, но она сообщает, что рейс задерживается до пяти вечера. Говорит, что звонила в справочную: в Пекине выпал сильный снег, поэтому вылет задержали. В Пекине уже идет снег. А здесь, в Ан-Арборе, где куда холоднее, чем в Пекине, снега до сих пор не было. Впрочем, по детским воспоминаниям, в Пекине, кажется, и правда часто шло много снега. Я помню, как сидел на балконе и замороженно наблюдал за детьми внизу, играющими в снежки. На наш тесный балкон тоже попадал снег, хоть и немного. Я подражал детям внизу, сгребал его руками и лепил комки. Крошечные, жалкие снежки, которые тут же таяли в ладонях, превращаясь в грязную жижу. Но ведь снег должен быть белым и сверкающим? У детей внизу в руках были именно такие — большие, гордо отражающие солнечный свет. А мой в руках становился мутным и грязным. Я поспешно прятался обратно в дом, среди старого хлама, в свой собственный мир.

Цзяхуэй говорит, что теперь у нас полно времени приготовить рождественский ужин. Я спрашиваю: что будем готовить? Она отвечает: пельмени, А Вэй их очень любит. Я везу её в китайский магазин за луком-пореем и свиным фаршем. В этот день магазин забит до отказа, цены растут вместе с толпой. Лук-порей, который и без того не был дешевым, стоит теперь невероятно дорого — четыре доллара за фунт, вдвое дороже мяса. На обратном пути мы снова проезжаем по мосту через реку Хьюрон. Цзяхуэй говорит: Помнишь нашу прогулку вдоль реки? Деревья здесь такие красивые. Да, те самые деревья. Когда-то на них была разноцветная листва. Но тогда была осень, а сейчас, должно быть, они уже облетели, и видны лишь голые коричневые ветви. Она просит: Давай остановимся, хочу посмотреть, как всё выглядит сейчас. Я паркую машину на пустой стоянке у реки. Она кажется гораздо больше, чем я запомнил. Знаю, это снова память играет со мной. В моих воспоминаниях тем ленивым весенним днем здесь была крошечная, забитая машинами парковка. Те же деревья, но теперь они вовсе не пестрые. Река покрылась тонким льдом, поэтому уток не видно. Небо хмурится. Надвигаются тучи, ветер хоть и не ураганный, но пробирает до костей.

Мы идем вдоль берега. Мне всё холоднее. Ветер усиливается, поднимая с земли сухие листья. Цзяхуэй отворачивается. Я прикрываю её своим телом. Она пригибается еще ниже, почти прячась у меня в объятиях. Этот порыв ветра длится целую вечность. Холод пронизывает мою куртку, тело начинает неметь. Всего несколько месяцев назад здесь была весна. Солнце того весеннего дня было таким теплым, что выпило из меня все силы. Тогда мы с А Вэнем сидели здесь. Стая диких уток, что плавала тогда, должно быть, теперь спряталась в камышах. Гуси, что садились здесь, улетели на юг. Этот пронизывающий, ненавистный ветер! Он снова заставляет меня вспомнить об А Вэне. Как он там? Наверное, нежится под калифорнийским солнцем. Говорят, там круглый год весна, интересно, всё еще ли он страдает от аллергии на весенний воздух? Там, должно быть, есть такие же красивые реки; будет ли он снова сидеть у воды, думая о том, как обустроить свою жизнь? Помнит ли он историю о стране лилипутов? Наверное, нет. Он давно должен был её забыть. К тому же, если рядом с ним кто-то сидит, этот человек вряд ли напомним ему ту же историю. Сидит ли кто-то рядом с ним? Конечно. От него всегда исходила юношеская свежесть. Как перед этим устоять в краю вечной весны?

Я поспешно отгоняю мысли. Продолжаю подставлять спину холодному северному ветру. Цзяхуэй прячется в моих объятиях. Знает ли она, как сильно я ненавижу Вэя? Ненавижу её возлюбленного? Чувствую, как медленно старею. Мои чувства окончательно притупились.

Вдруг неподалеку на парковке раздается резкий визг тормозов. Какая-то машина с ревом ускорила, лихо вошла в поворот и скрылась. Мы поднимаем головы. Моя старая Тойота всё еще стоит там. Парковка была пуста, неужели я не заметил, что здесь в одиночестве стояла другая машина? А может, она приехала позже нас, и люди, испугавшись холода, поспешили уехать? Здесь действительно очень холодно, и деревья давно сбросили листву. Это больше не тот берег, где весеннее солнце вызывало такое сладкое уныние. Мы с Цзяхуэй плечом к плечу идем обратно к стоянке. Небо стало ещё темнее, ветер — сильнее. В этом холодном потоке я больше не чувствую запаха её мыла. Мы молчим. С неба падают редкие снежинки. Всё-таки Рождество будет белым.

Когда мы подъезжаем к аэропорту, над нашими головами медленно проплывает огромный Боинг-747 Northwest Airlines. Цзяхуэй начинает нервничать. Не дожидаясь, пока я окончательно остановлю машину, она выпрыгивает из неё и бежит в здание терминала, оставляя меня ждать в одиночестве. Изменился ли Лю Вэй? Вряд ли, ведь я видел его всего пять месяцев назад. Если он не изменился, почему я так нервничаю? Они оба в любой момент могут появиться из полупрозрачных автоматических дверей. И как это будет выглядеть? Наверное, он будет везти тележку с багажом, а Цзяхуэй будет нежно держать его под руку или помогать толкать тележку? Стеклопакеты постоянно открываются и закрываются, выпуская толпы людей: толстых, худых, черных, белых, высоких, низких. Внезапно я начинаю жалеть, что согласился ужинать с ними сегодня вечером.

Кто-то стучит по стеклу. Я оборачиваюсь: снаружи стоит полный чернокожий полицейский, надув губы и уставившись на меня. Из его огромных ноздрей вырываются клубки пара. Глаза — круглые, как колокольчики, белки кажутся пугающе яркими. Я поспешно опускаю окно. Он говорит, что здесь нельзя парковаться, иначе выпишет штраф. Видимо, в аэропорту сегодня оживленнее обычного; в другое время пара минут ожидания не была бы проблемой. Мне следовало ожидать, что будет суматоха. Самолет из Китая только что приземлился, и я представляю, как в зале прилета толпа встречающих облепила выход из таможенной зоны.

Я завожу двигатель. Если полицейский не разрешает стоять здесь, придется сделать круг по аэропорту и вернуться. Я ещё раз смотрю на стеклянные двери. Они раздвигаются, и оттуда выходит пожилая чернокожая женщина, левой рукой с трудом таща чемодан, а правой ведя маленькую девочку лет трех-четырёх. Девочка крепко сжимает куклу Барби, висящую вниз головой. Длинные золотистые волосы куклы колыхнутся, словно маятник. Я жму на газ. Многие люди садятся в машины или выходят из них. Многие прощаются, обнимаясь. Много машин в нетерпении ищут место для остановки. Полицейские разгоняют тех, кто задерживается. Сделать круг вокруг аэропорта — задача не из легких.

Наконец, я снова подъезжаю к тому месту. Лю Вэй и Цзяхуэй уже ждут. Они не держатся друг за друга. Стоят каждый сам по себе, между ними расстояние. Тележки нет. У него только чемодан и рюкзак — огромные, тяжелые, он тащит и несет их сам. Руки Цзяхуэй пусты, она кажется почти лишней. Издали Цзяхуэй указывает на мою машину. Лю Вэй, волоча чемодан, направляется к нам. На краю дороги он, видимо, оступается, не заметив препятствия. Цзяхуэй бросается на помощь. Теперь она уже совсем не кажется лишней. Она кладет руку на ручку чемодана. И слегка улыбается ему. Но он не видит. Он смотрит только на мою машину, спешит навстречу. В его шагах чувствуется возбуждение.

Лю Вэй подходит ближе. Наши взгляды встречаются. В его глазах мелькает что-то — надежда, обида или сомнение, — всё исчезает так быстро, что я не успеваю разобрать. Вижу лишь усталость — глубокую, въевшуюся в самую кость. Но он начинает улыбаться. Он тоже взрослый, он тоже умеет улыбаться. В моих воспоминаниях он всегда был намного старше меня. Есть ли что-то, что знаю я, чего не знает он? Я глушу мотор и выхожу, чтобы открыть заднюю дверь. Чемодан слишком велик, в багажник он вряд ли влезет. Мы вместе поднимаем его и засовываем на заднее сиденье. Моя рука касается его большого пальца. Чемодан настолько тяжел, что я не могу убрать руку и вынужден терпеть, как его ноготь вонзается в мою кожу. Я чувствую тонкую полоску боли, идущую от кончика его пальца вверх по моей руке прямо к сердцу. Цзяхуэй всё это время просто стоит рядом и наблюдает. Чемодан наконец на месте. Я поспешно отдергиваю руку. Его палец ещё долго висит в воздухе. Опять мои ненадежные воспоминания. Если посчитать логически, палец не мог задержаться дольше, чем на полсекунды, а моё ощущение долгого времени, возможно, вызвано лишь тем, что та острая боль продолжалась слишком долго.

Цзяхуэй молча обходит машину, открывает заднюю дверь и садится. Заднее сиденье теперь полностью занято чемоданом и ею. Лю Вэй по праву занимает место рядом со мной. На то самое место, где обычно сидел А Вэнь. Мы выезжаем из аэропорта. Снег идет ещё сильнее. По дороге обмениваемся дежурными фразами. Я спрашиваю, хорошо ли прошел полет. Он кивает. Цзяхуэй замечает: разве четырехчасовая задержка — это хорошо? Он отвечает: нормально, просто при вылете возникли проблемы, в Пекине выпало столько снега. После этого мы замолкаем. Он выглядит очень уставшим, закрывает глаза и откидывает голову на спинку сиденья. Его кадык по-прежнему выдается вперед, двигаясь вверх-вниз при глотании. Мне почти хочется протянуть руку и коснуться его. Я наугад хватаю первую попавшуюся кассету, вставляю в магнитоу, и в салоне раздаётся ленивый, почти уподобнический голос певца. Я чувствую раздражение: почему снова эта запись? Почему всегда эти уподобнические песни? Неужели я боюсь этих песен? Неужели я боюсь упадка?

Снег валит стеной. Машины на шоссе, которые раньше мчались на высокой скорости, теперь тянутся длинной вереницей, подобно улитке. Небо давно почернело. Яркие фары освещают

летящие перед машиной хлопья — огромные, как гусиный пух, белые и сверкающие. В кюветах вдоль шоссе то и дело видны съехавшие с дороги автомобили; их ослепительные и безжизненные фары, как широко раскрытые пустые глаза, смотрят в метель в ожидании эвакуатора. А кроме них — лишь бесконечная вереница красных габаритных огней, уходящая в снежную даль, которой не видно конца.

<http://bllate.org/book/21154/2144374>